

УДК 343

***ПОЛНОМОЧИЯ ВОЕВОД В АНТИКРИМИНАЛЬНОЙ ПОЛИТИКЕ
МОСКОВСКОГО ГОСУДАРСТВЕ XVII ВЕКА***

Упоров И.В.

д.и.н., к.ю.н., профессор

Краснодарский университет МВД России

Краснодар, Россия

Аннотация: Рассматриваются особенности осуществления розыскных и судопроизводственных полномочий воеводами в Московском государстве XVII в. в рамках противодействия преступности. Анализируются нормы Соборного уложения 1649 г., других актов, изданных в рассматриваемый период, научные труды по исследуемой проблематике. Отмечается, что воеводы имели достаточно широкие полномочия, особенно при производстве дел по общеуголовным преступлениям дел, возглавляли эту деятельность в воеводстве посредством подчиненных им губных изб. Но, вместе с тем, воеводы обязывались докладывать в Москву (обычно в Разбойный приказ) о своих решениях и запрашивать санкции для обвиняемых в совершении преступлений. К концу XVII в. полномочия воевод стали уменьшаться ввиду профессионализации деятельности государства по борьбе с преступностью.

Ключевые слова: воевода, преступность, государство, Соборное уложение, губная изба, власть, общество, розыск.

***POWERS OF THE GOVODE IN THE ANTI-CRIMINAL POLICY
MOSCOW STATE IN THE XVII CENTURY***

Uporov I.V.

Doctor of History, Candidate of Law, Professor

Krasnodar University of the Ministry of Internal Affairs of Russia

Krasnodar, Russia

Resume: The features of the implementation of search and judicial powers by governors in the Muscovite state of the 17th century are considered. In the fight against crime. The norms of the Council Code of 1649, other acts issued in the period under review, and scientific works on the issues under study are analyzed. It is noted that the governors had fairly broad powers, especially in the production of general criminal cases, they led this activity in the voivodship through the lab huts subordinate to them. But, at the same time, they undertook to report to Moscow (usually to Razboyny Prikaz) about their decisions and request sanctions for those accused of committing crimes. By the end of the XVII century. the powers of the governor began to decrease due to the professionalization of the state's activities in the fight against crime.

Key words: voivode, crime, state, Cathedral Code, mouth hut, power, society, search.

В сфере противодействия преступности в Московском государстве в XVIIв. ведущую роль имели Разбойный приказ как координационно-управляющий центр, а также воеводы и губные избы на местах (старосты этих учреждений назначались с ведома Разбойного приказа), при этом системная деятельность государства в этой сфере берет начало с середины XVII в. [1,с.27]. Рассмотрим подробнее полномочия воевод, которые на своих территориях представляли собой власть общей компетенции, при этом, однако, вопросы антикриминальной политики представляли значительный объем их функций. Данные функции они выполняли, будучи, с управленческой точки зрения, связующим звеном центральной власти и губных учреждений. Содержание таких воеводских функций определялись «наказами» из Москвы и заключались как в поддержании правопорядка, так и в организации розыска и следствия по делам, которые находились в их юрисдикции, в том числе предписывалось «смотреть», чтобы нигде не было «бою, грабежу, корчмы и табаку, распутства и не-

дозволенной игры».

Такой их статус был частично закреплен законодательно. Так, согласно ст. 18 главы XI Соборного Уложения «А кто Московского государства всяких чинов люди сведают, или услышат на царское величество в каких людех скоп и заговор, или иной какой злой умысл и им про то извещати государю царю и великому князю Алексею Михайловичю всея Руси, или его государевым бояром и ближним людем, или в городех *воеводам* и приказным людем» [2]. Кроме того, воеводы участвовали на заключительной части судопроизводства, исполняя вынесенные верховной властью решения в отношении обвиняемых, которые находились на территории, которой руководили воеводы.

Между тем пока уголовное дело находилось в трудной и весьма ответственной стадии розыска (фактически розыск в то время означал не только задержание подозреваемых, но и предварительное расследование [3, с. 56]), воеводы выступали в качестве самостоятельного и непосредственного органа, производившего первоначальные судопроизводственные действия. Так, в наказах воеводам XVII в. вменяется в общую обязанность «расспрашивать и розыскивать всякими сыски» [4, с. 262]. Подобная норма была закреплена также в Соборном Уложении: «А будет кто порубежных городов помещики и вотчинники почаят в людех своих и во крестьянех какое дурно или измену, и им про то извещати государю, и в городех о том воеводам подавати изветныя чело битныя, и людей своих и крестьян приводити. А воеводам тех людей, на кого будет извет, роспрашивати и сыскивати про них, против извету, всякими сыски накрепко и писати о том к государю, а тех людей, на кого будет извет, до государева указу сажати в тюрьму» [2] (ст. 6 главы VI). Если воевода должным образом не исполнял такую обязанность, то есть отправлял в Москву отписку, «не розыскав подлинно», то это расценивалось как служебная «оплошка», на что воеводам указывалось в ответном послании от центральных учреждений государства [5, с. 17]. Воеводам также вменялось в обязанность проверять розыскными действиями каждое обстоятельство, связанное с совершением

государственного преступления и которое возникало в процессе следствия. Важно отметить, что при этом воеводы выступали в роли непосредственного органа розыска, то есть, «ставили перед собой в приезжей избе» и сами лично расспрашивали обвиняемых.

Последнее обстоятельство существенно отличали воевод от приказов, бояр и государя, которые в большинстве случаев имели место не с живыми подсудимыми, а лишь «расспросными, пыточными и обыскными речами», то есть с протоколами допросов и иных следственных действий, и тем самым они были, как утверждается в историко-правовой литературе, органами «подлинного розыска» [6, с. 73]. Еще одна важная особенность воевод как субъектов антикриминальной деятельности, заключается в том, что они были исключительным органом розыска по государственным преступлениям. Дело в том, что губные старосты также имели определенные уголовно-процессуальные полномочия, однако государственные преступления были для них в силу важности исключением из этих полномочий – «кто доведется до какого государева дела, и его отсылать к воеводам, а будет разбойное или татиное, и тех отсылать к губным старостам» [4, с. 71]. Не имели полномочий в части розыска по политическим преступлениям и выборные органы – «посадским выборным людям во Пскове меж посадскими людьми и крестьяны расправа чинить по Уложению, а ведая на кого измену, отводить к воеводам» [4, с. 75], поэтому губной староста, узнавший о государеве деле, самостоятельно не мог предпринимать никаких следственных действий, а должен либо доставить изветчика воеводе либо самому выступить а роли изветчика.

Следует, однако, подчеркнуть что правоохрнительные полномочия воевод имели свои ограничения, в частности, это касалось вопроса применения пыток при производстве такого следственного действия как допрос, и прежде всего это относилось к делам, связанным с государственными преступлениями, во всяком случае, Соборное Уложение применение пыток применительно к преступлениям против государстве не регулирует. Вероятно, среди воевод зло-

употребления своей властью имели такой большой масштаб [7, с. 135], что центральная власть не считала нужным предоставлять воеводам столь обширные полномочия, и допускала использование такого полномочия (применение пыток) лишь в некоторых случаях. Один из них заключался в том, что воевода уполномочивался пытаться крестьян, если обвинявшим их извечником был сам хозяин (помещик). И только в 1695 г. по этому вопросу была достигнута определенность: «великие государи указали послать во все сибирские города, опричь Тобольска, грамоты, чтобы впредь воеводам ничего не делать опричь тех дел, которые по Уложению пытке подлежат, никаких русских людей, а ясашных иноземцев ни в каких делах, не описывая великим государям, не пытаться» [6, с. 77]. Что касается других следственных действий, то, например, такое важнейшее из них, как повальный обыск, не являлся предметом самостоятельного применения воеводами при расследовании уголовных преступлений – он мог быть осуществлен лишь по предписанию из Москвы.

Данное положение нашло отражение в законодательстве. Так, согласно ст. 22 главы II «А будет ис которого города, или ис полков воеводы и приказные люди отпишут к государю на кого на служилых, или иных чинов на каких людей, что они приходили к ним скопом и заговором, и хотели их убить; а те люди, на кого они отпишут, учнутбить челом государю на воевод и на приказных людей о сыску, что они скопом и заговором к ним не прихаживали, а приходили к ним немногие люди для челобитья, и по тому челобитью про них в городехсыскивати всем городом, а в полках всеми ратными людьми. Да будет сыщется про них допряма, что они в городех и в полках к воеводам приходили для челобитья, а не для воровства, и их по сыску смертью не казнити. А воеводам и приказным людям, которые на них отпишут к государю ложно, за то чинити жестокое наказание, что государь укажет» [2].

Еще один вид ограничений воевод как субъектов розыскной и следственной деятельности был связан с тем, что воеводы для осуществления розыска могли по своему усмотрению привлекать в качестве подозреваемых не всех лиц

– для некоторых категорий требовалось предварительное испрашивание разрешения. Это относилось прежде всего к лицам духовного сословия: воевода должен был обращаться к высшим представителям церковной власти на местах, чтобы они прислали нужных ему людей «для подлинного розыска в приказную избу» [8, с. 69] или, что было чаще, воевода обращался в Москву, куда направлял соответствующую отписку, и уже из Москвы приходила грамота в адрес руководящих представителей духовенства с предписанием прислать воеводе, исходя из обстоятельств дела, тех, кого он запрашивает либо тех, кого церковные иерархи считали нужным послать [5, с. 59]. Несмотря на указанные и некоторые другие ограничения, воевода тем не менее на местах обладал полномочиями принимать решения по следственным действиям при обнаружении признаков преступления. Вместе с тем, как явствует из изложенного, воевода не мог самостоятельно, без санкции сверху, принимать окончательных решений по политическим делам – для этого следовало ждать государеву грамоту, поскольку в то время известное «слово и дело» уже вошло в практику борьбы с политическими преступлениями [9, с. 59].

В многочисленных наказах, направляемых воеводам из Москвы, наряду с предоставлением воеводам широких полномочий в части производства розыскных действий, как правило, содержалось требование такого типа: «а розыскав, отписать государю, и тех людей изветчика и обвиняемых держать за приставом или за крепкими поруками до государеву указу» [4, с. 202]. Такое положение относилось и к ситуациям, в которых не было сомнений в обстоятельствах совершенного деяния с признаками государственного преступления, в виновности причастных к нему лиц – в любом случае воевода должен был докладывать верховной власти и ждать ее решения. Это касалось и таких дел, когда был очевиден лживый навет – воеводе также предписывалось все подробно изложить и направить отписку в Разбойный приказ.

Как видно, реализация полномочий воевод в сфере противодействия преступности находилась под контролем верховной власти, и о таком подходе

верховой власти может свидетельствовать, в частности, содержание ст. 104 главы XXI Соборного уложения: «А которые воры тати, или розбойники и душегубцы учнут сидети в тюрьмах в городех до полугода, и тех воров в городех воеводам и приказным людям и губным старостам, без государева указу, ис тюрем не выпускати, и в холопство и во крестьяны к себе не имати, и иным никому таких воров в холопство и во крестьянство не отдавать. А будет в городех кто воеводы и приказные люди или губные старосты таких воров ис тюрем выпустят без государева указу и поневолят их к себе, или к иному к кому в холопство, или во крестьянство, и сыщется про то допряма, и тем воеводам и приказным людям и губным старостам за то чинить жестокое наказание, бити их кнутом нещадно, да на них же за тех воров исцамправити выти. А будет до которых тюремных сиделцоврозбойное и татиное и душегубное дело не дойдет, и доведется их истюрмы выпустить, и таких ис тюрем выпускать, и к государю к Москве о указе не писав, а в холопство и во крестьянство их воеводам и приказным людям и губным старостам к себе не имати, и иным никому по свойству, или по дружбе, их в холопство и во крестьянство не отдавати. А будет кто воевода и приказной человек, или губной староста таких людей, которых доведется истюрмы выпустить, поневолят к себе, или к иным к кому в холопство, или во крестьянство, и им за то по тому же чинити жестокое наказание, как в сей статье писано выше сего» [2].

В некоторых случаях, видимо, с целью сократить сроки производства по государственным преступлениям (время на отправку отписок в Москву, затем получение инструкций, новые отписки и т.д. до исполнения приговора составляло несколько месяцев, что неудивительно при российских просторах) воевода запрашивали для себя полномочия решать самостоятельно некоторые дела [10, с. 128]. В частности, в одной из отписок в отношении зарубежных беглецов содержится соответствующая фраза о том, что он, воевода, «большого наказанья чинить не смеет», однако в ответ получил указание «расспрашивать, розыскивать и государю о том писать». И лишь в редких случаях воеводы выступали в

роли самостоятельного субъекта розыскной и следственной деятельности по политическим делам. Обычно это имело место в тех случаях, когда озвучивший государево дело изветчик при расспросе не указывал ничего конкретного, а ссылался на то, что он «затеял государево слово пьяным обычаем или избывая побоев» [11, л. 128]. Причем после издания Соборного Уложения воеводы ссылались на ст. 14 главы II: «А которые всяких чинов люди учнут за собою сказывать государево дело или слово, а после того они же учнут говорить, что за ними государева дела или слова нет, а сказывали они за собою государево дело или слово, избывая от кого побои, или пьяным обычаем, и их за то бить кнутом, и бив кнутом, отдать тому, чей он человек» [2]. Здесь на самом деле еще нет предмета государственного преступления, и поэтому, вероятно, законодатель допускал такую самостоятельность воевод.

Некоторую реальную уголовно-процессуальную самостоятельность по политическим делам воеводы стали получать лишь к концу XVII в., когда отдельным воеводам (видимо, тем, кому верховная власть доверяла больше всего) предоставлялось полномочие вершить собственной властью некоторые дела, связанные с изменой государству. Однако и такие исключительные полномочия допускалось лишь при определенных условиях, когда, в частности, «за дальним расстоянием описываться и вдаль откладывать опасно» или «за причинной скорого изменного дела писать не успеет» [10, с. 128]. Еще одно исключение связывается с теми, кто уже отбывал наказание за совершение государственного преступления, и вновь совершал таковое, то есть речь идет о специальном рецидиве. Так, в 1683 г. сибирским воеводам было дано право самостоятельно разрешать уголовные дела в отношении стрельцов, сосланных «за непристойные и московского смутного времени похвальные слова», если последние снова начнут «то дело опять заводить и всчинать» [12, с. 32]. В этих случаях воеводы могли «чинить им указ по статьям, каковы даны в стрелецкие полки, не описываясь к великим государям» - «статьи» же заключались в объявлении стрельцам, что «буде кто из них, презрев милость, учнет в каком месте ни-

будь прежнее дело затевать», того казнить смертью. Но и здесь, как видно, самостоятельность относительна, поскольку, по сути, воеводы лишь повторяли ранее вынесенное решение верховной властью [10, с. 129].

Противодействие преступности, между тем, было сложным делом. И уже «Новоуказанных статьях о татевных, разбойных и убийственных делах» от 22 января 1669 г. впервые были введены специальные должности сыщиков с целью расследования и суда по уголовным делам, которые и возглавляли розыск, в том числе стали целенаправленно использоваться привычные сегодня словесные портреты подозреваемых [13, с. 31], другие специальные методы розыска и следствия, для чего требовались уже специальные более углубленные знания, в 1655 г. был учрежден Приказ Тайных дел [14, с. 39], и воеводы, соответственно, постепенно устранились из этой сферы [15, с. 186]. В дальнейшем развитии государственного управления, когда были учреждены губернии, то губернаторская розыскная и судопроизводственная власть в сфере противодействия преступности постепенно уменьшалась, а соответствующие полномочия передавались специализированным органам власти и управления (Сысковому приказу, затем полиции, прокуратуре, судам).

Библиографический список

1. Гнедова Н.П. Оперативно-розыскная деятельность в дореволюционной России: основные вехи становления // Ведомости уголовно-исполнительной системы. 2019. № 4. С. 27-30.

2. Соборное уложение 1649 года / Под ред. М.Н. Тихомирова, П.П. Епифанова. М.: МГУ, 1961. 443 с.

3. Голяндин Н.П., Ардавов М.М., Жирикова А.Н. Исторические аспекты становления розыскной работы в России // Историческая и социально-образовательная мысль. 2015. Т. 7. № 7. С. 54-58.

4. Акты, собранные в библиотеках и архивах Российской империи Археологической экспедицией Академии наук. СПб., 1836. Т. 3.

5. Новомбергский Н. Слово и дело государевы. Процессы до издания Дневник науки | www.dnevniknauki.ru | СМИ ЭЛ № ФС 77-68405 ISSN 2541-8327

Уложения Алексея Михайловича. 1649г. М., 1911. Т. 1.

6. Чтения в Обществе истории и древностей российских при Московском университете. Кн. 1 М., 1887. С.63-78.

7. Рагунштейн А.Г. Формирование и развитие антикоррупционного законодательства в России // Историко-правовые проблемы: Новый ракурс. 2019. №3. С. 134 - 149.

8. Чтения в Обществе истории и древностей российских при Московском университете. Кн.1 М., 1887.

9. Шепель И.В., Сухорученко Д.А. История становления гласного содействия граждан органам внутренних дел // Академическая мысль. 2018. № 4 (5). С. 58-65.

10. Рябченко А.Г. Правовой статус правоохранительных органов, реализующих антикриминальную политику Московского государства в XVII веке // Научный вестник Южного института менеджмента. 2020. № 2. С. 127-130.

11. РГАДА. Ф. 210. Разрядный приказ. Оп. 13. Стб. Приказного стола. Д.105.

12. Собрание государственных грамот и договоров, хранящихся в Государственной коллегии иностранных дел. М., 1812. Т. 4.

13. Климов И.А., Матиенко Т.Л., Смоленская Н.И. Историко-правовой анализ генезиса сыска как структурно-содержательного элемента теории и практики оперативно-розыскной деятельности // Научный портал МВД России. 2013. № 1. С. 29-39.

14. Кульчиков Д.Е. Исторический аспект становления и развития оперативно-розыскной деятельности в России // Вестник Уральского института экономики, управления и права. 2019. № 3. С. 36-40.

15. Востриков П.П., Королев Б.И. Организационные формы реализации отечественной государственной политики борьбы с преступностью в XI-XVII вв. // Власть. 2016. № 4. С. 184-188.

Оригинальность 85%